

ВВЕДЕНИЕ

Среднесрочные и длинные циклы в российской и мировой экономике

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

В настоящее время мир находится на пороге больших перемен, причем ощущается, что перемены не будут позитивными, скорее, это окажется дальнейшее вхождение в период нестабильности и турбулентности. Согласно теории длинных волн, это вполне закономерно, поскольку в настоящее время мы находимся на понижательной фазе пятой длинной волны, и выход из нее состоится еще не скоро.

Следует отметить, что моменты изменения мирового порядка и кризисно-депрессивного развития (которое мы прогнозируем в среднесрочной, а отчасти и в долгосрочной перспективе¹) очень тесно связаны. Именно в такой период слабого экономического развития усиливаются турбулентные явления в мировой политике, мировой порядок «расшатывается», начинаются поиски его альтернативных моделей. Отметим, что, согласно теории производственных революций (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; Grinin *et al.* 2017а; 2017b), современная эпоха относится к третьей в истории – кибернетической² – производственной революции (после аграрной/неолитической и промышленной). Эта революция имеет три фазы. Первая – бурное инновационное развитие 1955–1990 гг. Вторая – современная, начавшаяся в конце прошлого века и завершившаяся в 1920-х гг. Она связана с мощным распространением цифровых технологий. Особенностью данной фазы являются менее инновационные технологические преобразования, но более быстрое и мощное их усовершенствование и рас-

¹ Условно считаем среднесрочную перспективу в пределах 10 лет, долгосрочную – в интервале от 10 до 30 лет.

² Не стоит путать с популярной, но, по нашему мнению, научно не вполне обоснованной идеей четвертой промышленной революции.

пространение в большинстве стран мира (примеры – ЭВМ на начальной фазе в 1950–1970-е гг. и персональный компьютер малого размера к началу 2020-х гг.; аналогично – мобильный телефон); при этом в 1950–1970-е гг. инновационные технологии получали распространение преимущественно в развитых государствах, а в 1990–2020-е гг. – в прежде отсталых странах.

Завершающая фаза кибернетической революции начнется в 2030-е гг. и продлится до 2060–2070-х гг. Она, таким образом, сольется с шестым технологическим укладом, формирующимся в результате шестой кондратьевской волны (о кибернетической революции и шестой кондратьевской волне см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015*б*; Grinin L. E., Grinin A. L. 2016; Grinin *et al.* 2017*a*; 2017*b*). 1990–2030-е гг. – это период промежуточной фазы кибернетической революции, в котором мы сейчас и находимся.

Однако для нового технологического рывка необходимо несколько выровнять уровни странового развития в мире; именно это и происходило и продолжает происходить до настоящего времени. Развивающиеся страны существенно сблизились с развитыми за счет того, что темпы роста в первых заметно выше, чем во вторых. Мы назвали этот процесс Великой конвергенцией (Grinin, Korotayev 2015) и ожидаем, что она будет продолжаться также в 2020-х гг.

Для нового технологического рывка центр Мир-Системы должен ослабнуть, многие старые политические, социальные, международные отношения должны быть изменены. Все это может происходить только за счет явления, которое выше мы определили как реконфигурацию Мир-Системы. Соответственно, эта реконфигурация заключается в подтягивании политической составляющей современного мира к экономической, которая значительно опередила политическую (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015*б*; 2019; Grinin, Korotayev 2012; 2016). Ясно, что экономическая и финансовая глобализация зашла намного дальше, чем политическая. Соответственно подтягивание политической составляющей – это болезненный, турбулентный, конфликтный, местами революционный процесс. Не случайно и глобализация в своем прежнем «издании» забуксовала. Экономическая глобализация откатывается назад (можно привести пример с введением импортных тарифов и развалом ВТО), а политическая расчищает себе пространство. Подтягивание политической составляющей будет осуществлено в результате начала формирования нового мирового порядка. Но для этого приходится разрушать старый порядок, а это, естественно, болезненный и опасный процесс.

В целом же ближайшие 10–12 или более лет, по прогнозам, станут экономически и политически трудными и конфликтными.

Таким образом, стабильный подъем мы увидим только в начале 2030-х гг., собственно, и новая шестая кондратьевская волна может начаться в это время. Тем не менее сейчас сложно сказать, насколько прочными окажутся экономики и финансовые сектора. Не исключено, что, несмотря на все усилия правительств, рынки обрушатся значительно раньше, и в этом случае следует ожидать не одного длинного, а двух коротких бизнес-циклов.

Как известно, развитие экономики имеет циклический характер. В самом общем плане это связано с тем, что по разным причинам исчерпываются возможности для экономического роста: слишком дорогими становятся ресурсы, конкуренция за них усиливается, разлагивается сбыт, исчерпывается кредит, надуваются пузыри, растут издержки производства и т. д. В итоге экономический цикл завершается циклическим кризисом, который может происходить в разных формах. Нередко кризисы связаны с обвалом биржевых стоимостей, резким падением объема производства, массовыми разорениями, но иногда реализуются в виде относительно медленного спада, имеющего затяжной характер. Подобно войнам и революциям, все кризисы имеют некоторые общие черты, но в то же время проходят по-разному, каждый из них демонстрирует значимые особенности. Кризис можно рассматривать как часть экономического цикла, когда потенциал роста временно оказывается исчерпанным. При этом принудительно восстанавливаются пропорции, более соответствующие наличным возможностям общества. Кризис – это лишь часть цикла, в рамках которой структурные противоречия и несоответствия общества становятся на время непреодолимыми. Но затем они частично разрешаются, открывая возможности для начала нового цикла (подробнее о природе экономических кризисов см.: Tugan-Baranovsky 1954; Mitchell 1927; Schumpeter 1939; Haberler 1964 [1937]; Bernanke *et al.* 1998; Minsky 2005; Гринин 2009; Гринин, Коротаев 2012; Grinin, Korotayev, Malkov 2016; Grinin, Korotayev, Tausch 2016; Grinin, Korotayev 2014a).

И устранить эту цикличность экономического развития, несмотря на все усилия, не удастся. В то же время различные проциклические и антициклические действия финансовых регуляторов и правительств могут очень существенно повлиять на характер протекания экономического цикла (также называемого жюгляровским; см.: Grinin, Korotayev, Malkov 2016), в частности сократить или увеличить его длительность. К примеру, в 1950–1960-е гг. ФРС повышениями учетных ставок влияла на то, что экономические циклы в США завершались раньше, чем могли бы, а экономические кризисы носили нетяжелый характер. Это называется «проциклические меры». В последнее время, напротив, стали очень активно применяться антициклические меры, в частности, снижение ставок вплоть

до нуля или даже отрицательных величин, искусственная поддержка кредита, активное насыщение рынка финансами, выкуп обязательств и прямая помощь отдельным игрокам. После кризиса 2008 г. эти меры приобрели гигантские масштабы (а в настоящий момент стали просто фантастическими по объемам).

В результате основные диспропорции прошлого цикла перед кризисом 2008 г., связанные с замедлением и даже падением роста производительности труда, перекредитованностью бизнеса и населения, чрезмерным объемом государственного долга, низкой долей или даже снижением инвестиций в ВВП, сокращением доли реального сектора в ВВП и чрезмерной ролью финансового сектора, не были ликвидированы.

Напротив, финансиализация экономики приняла гипертрофированные масштабы, что только усугубило указанные проблемы. В результате за счет дешевых кредитов образовалось множество предприятий со слабой способностью к конкуренции (которые даже получили название «фирмы-зомби»), практически не имеющих прибыли, не говоря уже о том, чтобы быть инновационными. В итоге экономика в целом ослабела, а темпы роста замедлились. Мировая торговля также стала буксовать. Какие-то темпы роста поддерживались только огромными финансовыми вливаниями в экономику. Мировая экономика подошла к рубежу кризиса фактически уже в 2016 г., но сдувания пузыря на фондовых биржах не происходило благодаря усилиям правительств и центральных банков, а экономический рост поддерживался ростом государственного долга и фискальными мерами (вроде значительных снижений налогов и крупных налоговых амнистий в США). Таким образом, наступление кризиса было задержано на три года. Как и многие другие, мы прогнозировали наступление кризиса в конце 2010-х гг. (Grinin, Korotayev 2014b; 2018). В 2019 г. ожидание рецессии стало едва ли не массовым, поскольку все ресурсы оказались исчерпанными, а ФРС, американское и другие правительства буквально в ручном режиме пытались спасти рынки. Поэтому не удивительно, а вполне закономерно, если в 2020 или 2021 г. разразится экономический кризис. Мировая экономика сейчас находится на пороге экономического кризиса с его пузырями и закредитованностью. При этом о приближающемся кризисе говорят все более активно все большее количество исследователей.

* * *

Настоящий выпуск ежегодника состоит из четырех разделов, в которых представлены 14 статей. В **первом разделе**, который носит название «**Длинные волны и мировая экономика**», вниманию читателя предлагаются пять статей.

В статье *Л. Е. Гринина* и *А. Л. Гринина* «Кондратьевские волны и некоторые прогнозы на XXI столетие» даются некоторые прогнозы технологического, политического, а также социально-экономического развития мира: краткосрочные (10–15 лет), среднесрочные (20–50 лет), долгосрочные (50–100 лет). Методологическая база прогнозирования технологического развития основана на теории длинных циклов и соответствующих им технологических укладов, с одной стороны, и теории принципов производства и производственных революций, которую разрабатывают авторы, – с другой. Анализируя соотношения длинных циклов (волн) и сверхдлинных циклов производственных революций, авторы показали, что эти теории находятся в хорошей корреляции друг с другом. Теория производственных революций представлена в приложении к статье.

В работе *Л. Е. Гринина*, *А. В. Кортаева* и *Р. С. Гринберга* «Некоторые проблемы мировой и российской экономики и циклическая динамика» отмечается, что выход из кризиса 2008–2009 гг. происходил крайне тяжело, несмотря на все попытки разогнать экономику. И теперь мы находимся на пороге новой рецессии. В отношении российской экономики рассматривается проблема ее продолжающейся деиндустриализации. Центральная часть статьи посвящена анализу современных дефляционных явлений в западной и мировой экономике, которые начинают захватывать и российскую экономику. Эти явления объясняются тем, что в настоящее время она находится на понижательной фазе пятого длинного кондратьевского цикла. Дефляция всегда была характерна для депрессивных периодов в экономике, а в настоящее время также проявляется в связи с тем, что мировая экономика стала глобальной, но нет механизмов ее регулирования. Авторы предполагают, что в 2020–2021 гг. в мировой экономике наступит новый экономический кризис, а депрессивная и дефляционная полоса продлится еще несколько лет.

Л. Е. Гринин и *А. В. Кортаев* в статье «Дивергенция и конвергенция в мировой экономике» показывают, что Великая дивергенция XIX в. – это процесс не просто расхождения в уровне развитости Европы и остального мира, но и создания нового типа мировой экономической системы, в которой хозяйства разных стран включаются в единую мирохозяйственную или мироторговую систему (но с весьма разными ролями, прежде всего в виде центра, полупериферии и периферии) Мир-Системы в современном смысле слова. Вместе с тем продемонстрировано, что почву для резкого возросшая необходимость Запада и СССР по разным причинам быть в союзе с развивающимися странами; необходимость поставить под контроль ряд негативных процессов в развивающихся странах и разработка

соответствующих стратегий, научных идей, программ и т. п.; изменение структуры экономики в западных странах, что потребовало переноса индустриальных производств в развивающиеся страны; пробуждение интеллигенции и стремления к модернизации; роль развивающихся стран в поставках сырья, особенно нефти, и как источника дешевой и минимально квалифицированной рабочей силы. В конце концов, во многом благодаря глобализации большинству развивающихся стран к началу 1990-х гг. удалось сократить разрыв с развитыми странами по уровню развития человеческого капитала до уровня, обеспечившего реальную возможность переноса очень большого числа производств из центра на периферию Мир-Системы, вследствие чего резко усилился поток технологий и капитала из развитых стран в развивающиеся, что и запустило процесс Великой конвергенции. Показано, что начавшаяся в последней четверти XX в. Великая конвергенция – это объективный результат развития мировой экономики в целом, а также способ поддержания благополучия западных государств в условиях охватившего их демографического кризиса, возможность создания более широкого основания для дальнейшего инновационного развития мира.

В статье *Е. В. Антипиной* «Теории циклического развития в XX – начале XXI в.: кризис теории в эпоху цифровой революции» представлена история развития экономической мысли в области циклических колебаний с конца XIX в. до настоящего времени. Однако теория циклов не устраняет сами циклы. Автор исходит из основных ориентиров выделения циклов от К. Маркса и Ф. Энгельса до Ф. Кидланда и П. Ромера. Главная задача статьи – обоснование теории циклических колебаний в современных условиях глобальной цифровизации. В рамках теории мультициклическости процесс обновления основных производственных фондов и связанные с этим колебания инвестиционной активности описываются промышленными циклами разной длины. Появление цифровой экономики требует изучения ее природы и родовой основы с привлечением методологического инструментария самого носителя современных технологий как новой парадигмы взглядов на мир. При всеобъемлющей и всепроникающей цифровой революции вещей и людей наиболее актуально стоит вопрос разработки эконометрической модели современных концепций, необходимых для адаптации в новой интеллектуальной среде. Несмотря на серьезное расширение разнообразия методов изучения экономики, произошедшее в последние десятилетия, проблематика влияния технологических факторов на развитие экономической науки нуждается в дополнительной проработке.

В статье *Г. А. Ревякина* «Анализ динамики экономического роста в рамках товарно-ориентированного подхода к природе экономических циклов» стадии жизненного цикла товара отождествляются с фазами экономического цикла. Допускается, что ныне известные экономические циклы с различной величиной периода соответствуют жизненному циклу товаров с аналогичным периодом их обращения на рынке.

На базе товарно-ориентированного подхода была создана модель циклической динамики экономических систем, практическое применение которой основывается на использовании фильтра Ходрика – Прескотта в качестве метода детрендизации и быстрого преобразования Фурье (FFT) в качестве метода спектрального анализа циклической составляющей. С помощью предложенной модели была проанализирована и описана динамика мирового реального и номинального ВВП в период 1960–2017 гг.

По результатам исследования выявлен ряд закономерностей протекания экономических циклов в масштабе глобальной экономической системы.

Во **втором разделе «Проблемы и возможности российской экономики»** представлены две статьи.

В работе *С. Ю. Румянцевой* «Ключевые точки роста российской экономики с учетом длинноволновой перспективы для обеспечения пространственного развития страны» на основе ведущих длинноволновых факторов-тенденций и системы индикаторов планирования будущего развития с учетом нелинейной динамики экономической системы, разработанных ранее, дается оценка перспектив и препятствий для симбиотического развития кластера базисных отраслей шестого технологического уклада в России. Выявляются особенности российской отраслевой динамики, возможные точки роста и задержки в развитии, на которые надо обращать внимание при дальнейшем построении федеральных целевых программ. Определены ключевые условия реализации экономического прорыва на основе анализа финансового сектора экономики России и его динамики, показано отсутствие условий для финансовой хрупкости в России на данном этапе ее циклического развития.

Статья *В. И. Пантина, С. Ю. Малкова и Л. Е. Гринина* «Основные угрозы и риски России при переходе к новому мировому порядку и пути их минимизации: Стратегический анализ» представляет собой исследование проблем и систему конкретных социально-экономических рекомендаций, способных не только минимизировать возникшие угрозы и риски, но и реально укрепить экономическое и политическое могущество России, повысить уровень ее суверенности, международного авторитета и влияния. Важным преимуществом представленного в статье стратегического анализа является проработка мер не только на краткосрочную, но также на средне- и долгосрочную перспективы. Система мероприятий структури-

рована как по срокам, так и по направлениям. Стратегический анализ рассматривает угрозы и риски России, возникшие в результате ухудшения внешнеполитической и экономической ситуации, в широком контексте мирового развития и мировых кризисных явлений, технологических перспектив, геополитической обстановки, опираясь на многолетние исследования авторов доклада в области геополитических, мир-системных, глобальных, демографических, цивилизационных и прочих проблем.

Третий раздел «Наследие» также содержит две статьи.

А. Тауш, Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев в статье «Канаме Акамацу. Биография ученого и теория длинных циклов» приводят краткую биографию выдающегося японского экономиста, а также рассматривают его влияние на теорию длинных циклов. Японский экономист Канаме Акамацу был современником Николая Кондратьева, и поэтому они наблюдали многие одинаковые экономические и политические события, хотя и с разных точек зрения в контексте Мир-Системы.

В работе *И. А. Назаровой* «Этапы формирования теории промышленных кризисов. Первые опыты анализа в отечественной и зарубежной экономической литературе (вторая половина XIX – начало XX в.)» рассматриваются этапы формирования теории промышленных циклов и кризисов в трудах российских и зарубежных экономистов. Предмет исследования выбран не случайно: во второй половине XIX – начале XX в. происходит переход к рынку несовершенной конкуренции, становится очевидной периодическая повторяемость кризисов, происходит трансформация национальных экономических кризисов в мировые, формируются мировые кредитно-денежные и финансовые институты. Показано, что на рубеже XIX–XX вв. в российской экономической науке была создана уникальная теория эндогенных промышленных кризисов, проанализированы факторы, подготавливающие их развитие.

В **четвертом разделе** представлены пять статей для готовящейся «Кондратьевской энциклопедии».

Библиография

- Гринин, Л. Е. 2009.** Психология экономических кризисов. *Историческая психология и социология истории* 2(2): 75–99.
- Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л. 2015а.** *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л. 2015б.** Кибернетическая революция и шестой технологический уклад. *Историческая психология и социология истории* 8(1): 172–197.

- Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л. 2019.** Глобальное старение, темпы научно-технического прогресса и изменение современной модели потребления в XXI – начале XXII в. *Историческая психология и социология истории* 12(2): 36–56.
- Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛКИ.
- Bernanke, B., Gertler, M., Gilchrist, S. 1998.** *The Financial Accelerator in Quantitative Business Cycle Framework.* NBER Working Paper No. 6455. Cambridge, MA: NBER.
- Grinin, L. E., Grinin, A. L. 2016.** The Sixth Kondratieff Wave and the Cybernetic Revolution. *Globalistics and Globalization Studies: Global Transformations and Global Future. Yearbook* / Ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, P. Herrmann, A. V. Korotayev, pp. 337–556. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.
- Grinin, L. E., Grinin, A. L., Korotayev, A. V. 2017a.** Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing. *Technological Forecasting and Social Change* 115(C): 52–68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.09.017>.
- Grinin, L. E., Grinin, A. L., Korotayev, A. V. 2017b.** The MANBRIC-Technologies in the Forthcoming Technological Revolution. *Industry 4.0: Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape* / Ed. by T. C. Devezas, L. João, A. Sarygulov, pp. 243–261. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer International Publishing.
- Grinin, L., Korotayev, A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean The Beginning Of World System Reconfiguration? *World Futures: The Journal of Global Education* 68(7): 471–505. DOI: <https://doi.org/10.1080/02604027.2012.697836>.
- Grinin, L., Korotayev, A. 2014a.** Interaction between Kondratieff Waves and Juglar Cycles. *Kondratieff Waves. Juglar – Kuznets – Kondratieff* / Ed. by L. E. Grinin, T. C. Devezas, A. V. Korotayev, pp. 25–95. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.
- Grinin, L., Korotayev, A. 2014b.** The Inflationary and Deflationary Trends in the Global Economy, or 'the Japanese Disease' is Spreading. *Journal of Globalization Studies* 5(2): 152–173.
- Grinin, L., Korotayev, A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective.* Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer International Publishing. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-17780-9>.
- Grinin, L., Korotayev, A. 2016.** MENA Region and the Possible Beginning of World System Reconfiguration. *Comparative Political and Economic Perspectives on the MENA Region* / Ed. by M. M. Erdoğan, B. Christiansen, pp. 28–58. Hershey PA: Information Science Reference, An Imprint of IGI Global.
- Grinin, L., Korotayev, A. 2018.** The Future of the Global Economy in the Light of Inflationary and Deflationary Trends and Long Cycles Theory. *World Futures: Journal of General Evolution* 74(2): 84–103.
- Grinin, L., Korotayev, A., Malkov, S. 2016.** The Mathematical Model of Juglar Cycles and the Current Global Crisis. *Kondratieff Waves: Cycles, Crises, and Forecasts* /

Ed. by L. E. Grinin, T. C. Devezas, A. V. Korotayev, pp. 14–64. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2016. *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Cham: Springer International Publishing Switzerland. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-41262-7>.

Haberler, G. 1964 [1937]. *Prosperity and Depression: a Theoretical Analysis of Cyclical Movements*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Minsky, H. P. 2005. *Induced Investment and Business Cycles*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.

Mitchell, W. C. 1927. *Business Cycles: The Problem and Its Setting*. New York, NY: NBER.

Schumpeter, J. A. 1939. *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York, NY; London, UK: McGraw-Hill Book Company Inc.

Tugan-Baranovsky, M. I. 1954. Periodic Industrial Crises. A History of British Crises. *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States* 3(3): 745–802.